

Елизавета Дворецкая,
Дарина Стрельченко, Наталья Русина и др.

ШЁПОТ БЕРЁЗ

Оксана Олеговна Заугольная
Натали Исупова
Александр Егоров
Саша Нефертити
Диана Чайковская
Дарина Александровна Стрельченко
Ольга Рейнардин
Анна Танатос
Ирина Невская
Рина Солнцева
Лариса Тихонова
Родион Александрович Вишняков
Елизавета Алексеевна Дворецкая
Наталья Борисовна Русинова
Мария Роше
Шёпот берёз
Серия «Славянская мистика»

Шёпот берёз: [сборник рассказов] / Елизавета Дворецкая, Дарина Стрельченко, Наталья Русинова и др.: АСТ : Астрель-СПб; Москва;

2026

ISBN 978-5-17-182958-2

Аннотация

В лесу шепчут берёзы, но их голос слышат лишь внимательные. В дни Зелёной недели девушки плетут венки, дети водят хороводы, женщины поют обрядовые песни и собирают целебные травы. Все вместе готовят настои и оставляют дары духам. Среди этих ритуалов пробуждаются тени, древние духи и существа, чьи истории передаются в шёпоте деревьев. Лес становится порогом между миром живых и потусторонним, а каждая история хранит тайну, которую хочется разгадать. Погрузитесь в мир, где незримое соседствует с видимым, а шёпот берёз – единственный проводник.

Содержание

Дарина Стрельченко	8
Воробьиная ночь	8
Умелец по лозе	8
Зима	16
Торжок	20
Берег	23
Родион Вишняков	27
Роковой клад	27
Рина Солнцева	45
Сестрицы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Шёпот берёз.

**Сборник рассказов
Елизавета Дворецкая,
Дарина Стрельченко,
Наталья Русинова и др**

Славянская Мистика

Серия «Славянская мистика»

Иллюстрация на обложке *Юлии Мироновой*

© Авторы, текст, 2026

© Юлия Миронова, илл. на обл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Дарина Стрельченко

Воробьиная ночь

Умелец по лозе

– Семик¹, Семик, Троица, пресвятая мать Купальница, ты на чём приехала?² – запевала Гордана.

– На овсяном зерночке, на оржаном колосе! – подхватывала Лесана.

А умелец по лозе слушал, поглядывал да молчал, только пальцы шевелились, будто птицу невидимую ласкал или на свирели подыгрывал.

– И откуда ты явился такой, ничего-то не знаешь? – сокрушались девки. Поглядывали смешливо, а между делом подсаживались поближе, рассматривали чудных птиц из лозы, что привёз умелец.

– Русалки нынче выходят из воды, ходят по земле. Осторожней будь, Тихомир, к реке не ходи, не то приглянешься мавке, девицей обернётся, закричит, заплачет... Обернуться

¹ Семик – восточнославянский праздник в период Зелёных святок.

² Старинная народная песня, связанная с Семиком (Зелёными святками).

не успеешь, как очутишься на дне, в доме бабушки русалочьего...

– И в лес не ходи, Тихомирушка, и коня своего туда не води, из озёр лесных не пои...

– А мы тут ни шить, ни полоскать не станем...

– А парни наши нынче ни пахать, ни копать не будут. Нельзя это нынче, земля живая, тонкая, копнёшь – вдруг и выйдет наружу что-то, что не должно...

Агриппа понизила голос, и остальные притихли. Верёнку мать кликнула: тесто подошло. Жаль было уходить, оставлять Тихомира с девками, да как матери перечить, особенно после прошлого...

О чём ещё говорили, не слышала, а когда вернулась с киселем да яйцами, чернобрового Тихомира уж всюду на кумление зазывали.

Верёнка поставила жбан на окно, упёрла руки в боки:

– Никак ума решились? Парня? Кумиться? Вот уж нет!

– Отчего ж нет? – чуть не впервые подал голос умелец. Глянул на неё из-под кудрей, руки мозолистые, глаза золотистые, что лоза, из которой плёл он дивных птиц, цветы, крохотные лодочки-челночки.

– Оттого, что девки кумятся, венки завивают, – ответила Верёнка, разливая кисель, – а парни вола водят. Нечего им на берег ходить, заложных тревожить.

Снова притихла горница. Ветерок пролетел от окна, колыхнул волосы, словно весточку нёс от не изживших своего

века.

– Русалки-то ведь и есть заложные, – вздохнула Ждана, ведя рукой, словно лебедица крылом. Бросила на Тихомира печальный взгляд: – Горемычные...

– Отчего ж они нынче выходят?

– Оттого, что тяжко им. В церкви не отпеты, земля их не принимает, – протяжно сказала Фёкла. – Говорят, нечистому служат... Только в Семик их поминать можно, Семик – их душам отрада. Вот и выходят потешиться.

– Нынче воробьиные ночи, – добавила Снятава. – Гроза будет...

– С зарницами, с бурями воробьи вылетают, чирикают, – напевно затянула Аглая. – Ночка пёстрая становится, будто сам воробей, а ещё, говорят...

– Хватит уж страх нагонять, – оборвала Верёнца. – Кумиться идти пора!

* * *

Берёзонька белая,
Берёзонька кудрявая
На чём приехала?³

Лёгкий, скользящий шаг. Пальцы летят по ветвям, пере-

³ Песня-величание семицкой берёзки.

бирают невесомо зелень, ленты, косы подруг... Хоровод да заклички, шёпот да смех. А шёпот мешается с шумом листьев, смех плывёт в туман, молкнет там, отводит русалок.

На ковре, на золоте,
На атласе, на бархате.

Девки вынимают яйца да мёд, украшают берёзу цветами, спрашивают ласково друг у дружки: будешь ли мне кумой? А берёзку спрашивают:

У кого же ты гостила?

Молодые ветки оборачиваются венками, звенят медные крестики-тельники, целуются Фёкла с Аграфеной, Ждана со Снятавой через венок, становясь кумами, шепчут друг другу:

– Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои,
Вы кумитесь, любитесь, любите меня.
Пойдёте вы во зелен сад – возьмите меня.
Сорвёте вы по цветику – сорвите и мне.
Совьёте вы по венчику – совейте и мне⁴.

А берёзка отвечает:

– У отца, у матери,

⁴ Народная обрядовая песня, связанная с Зелёными святками.

У роду, у племени,
У красных девушек.

Кумы садятся под деревом, под широким венком, едят яйца, журавли ходят на берегу, а в тумане поют русалки, тихие, страшные, беспокойные:

– Хотят берёзоньку срубить
И её в речке утопить.

Ветки мелькают, расходятся, берёза кружится и на миг показывает девкам Тихомира, глядящего заворожённо меж листьев. Стоит он вдалеке, возле городьбы из валежника, но и с берега ясно: совсем околдован. А ветер приносит блеск его глаз, быстрокрылые воробьи трещат, что мнёт в пальцах умелец ветвь лозы, и превращается эта ветвь в его руках в птицу, в солнце, в лунницу или ключик, в крыло, в папоров цвет и в саму судьбу.

* * *

Ушли девки, успокоилась речка, русалки убрались восво-
яси до ночи. Только Тихомир ходил по деревне сам не свой,
теребил в пальцах лозу, всё посматривал на Верёнцу.

Та подумала уж, поди, глаз положил, да не таков был этот
умелец, не позарился ни на одну из девок, а ведь до чего

Агафья красна, до чего Ждана добра да щедра, до чего Аглая улыбочива, белокожа...

– Верёнца. – Стук в окно, шёпот, лунный лик в стёкла.

– Ах ты дурень! Кто ж в Семик по ночам в окна стучится к людям добрым?!

– Отведи меня к русалкам.

– Че-его?..

– Отведи меня к русалкам, Верёнца. Повидать их хочу.

– Совсем ополоумел? На что тебе на русалок смотреть?

– Фигурки потом сплести...

– А чего ко мне явился?

– А кроме тебя никто не отведёт. Струсят. – Сверкнули во тьме глаза. – Если согласна, выходи к овину...

Ругая себя – что удумала, ох, что удумала! – Верёнца прокралась к овину. Под ноги стелилась мягкая молодая трава, шептались над головой Стожары и Божья Дорога⁵, а она всё думала: неужто на глаза золотые, на улыбку застенчивую идёт? На то, что не к другой какой девке пришёл, хоть и ластились к нему, а к ней?

Но больно уж батюшка при себе крепко держал; больно уж матушка горевала. Хоть на ночку хотелось вырваться.

– Тут я.

Верёнца аж подпрыгнула. Шёпотом выдавила:

– Чтоб тебя леший взял – так пугать! Самому-то не боязно на реку идти?

⁵ Стожары и Божья Дорога – названия созвездий: Плеяд и Млечного Пути.

– Не-е, – протянул Тихомир, запрокинул голову, считая звёздочки над избой. – Я давно на мавок поглядеть хотел – за тем и пришёл. Сама-то не испугаешься?

Верёнца только головой качнула – коса из стороны в сторону мотнулась. Передразнила:

– «Поглядеть хотел»! Ишь! Отведу тебя к берегу, так и быть, а дальше и шага с тобой не сделаю.

Тихомир согласно кивнул, и Верёнца прищурилась:

– Ну а ты мне что? В ответ?

– Я тебе оберег сплету, – сказал Тихомир. – Ровно живой будет.

Верёнца припомнила горлиц и дивные цветы из лозы, что прятались у Тихомира в корзине; вспомнила, как ахали девки. Купить-то недёшево будет, не у каждой батюшка на такое монеты даст. А подарочки, которыми одарил Тихомир хозяек да девок, – умелые, да маленькие совсем, простенькие: коробок али колобок. Оберег – другое дело. Если бы уговорить его лунницу сплести...

Верёнца махнула косой. Подобрала выбившиеся волосы под очелье, велела:

– Ишь какой... Ну, не шуми смотри! Мать проснётся – погрозней русалочьего батюшки будет...

– Как скажешь – так и сделаю. След в след за тобой пойду.

...Быстро зашагали они по уснувшей Око2вине. Молодые берёзки клонили ветки, царапали по голым рукам. Листья путались в волосах, ветер поднимался, бросал в лицо пыль

и щепки. Ни в одной избе огня не горело, и всюду у порогов поблёскивали в лунном свете лён и полынь. Как и все, ходили оковинцы в церковь, а от мавок полынь сушили, носили кресты, а детей нет-нет да и старыми именами называли – теми, что ещё предки носили, Перуну поклоняясь. Выбрались за околицу. Ржаное поле темнело вдали, белели берёзовые стволы, гудели клёны. Воробьи притаились перед грозой.

Шли к реке краем поля. Шевелилась рожь, будто бродил в ней кто. Тонкий колосок хлестнул по коленке, Верёнца отскочила, вцепилась Тихомиру в запястье.

– Что ты?

Шепнула:

– Пока жито цветёт, русалки в жите ходят... А воробьи слетятся – нечисть судить станут...

Обняла себя руками, растёрла в пальцах полынный листочек.

– Пошли, что ли, дальше... Ближе уже... Да тихо, смотри...

Вот и рожь кончилась, и облака разошлись – обливала луна светом умельца-чужеземца и девку, что в неверный час неверного человека вела туда, где никому бы в этот час быть не надобно...

Звёзды плыли в мелкой волне, перлами посверкивала роса в жите, блестела на листьях. Туман поднялся густой, гулкий – да унялся тут же. Тихомир отвёл рукой ветку – и вышли к Саженке.

Тенями промелькивали на том берегу русалки.

Умелец встал, зачарованный, да так и не шевелился, будто не дышал. Будто глазами пил реку и смутные фигурки за тёмным ночным стеклом. Потом принялся водить руками, будто из воздуха, как из лозы, плёл: гнул, гладил.

– Мир живой... Ты не потревожь его ненароком, – испуганно шепнула Верёнца.

– Да уж не потревожу...

В глазах его отражалась луна, и вспыхивали искры, как будто заложные покойники плескались в самом глубоком море, зажигая негреющие огни.

Зима

Время и малые, и великие скорби лечит, летит паутинкой по осени, по зиме накрывает тревоги снегом. Своим чередом катилось в Оковине колесо года, ткалось полотно жизни. Проводили Русальную неделю, встретили лето, осень выдалась щедрая, ягодная, за нею зима пуховая, а следом и весна с таяньем, с лебедями...

Доходили до деревни вести, мол, умелец давешний из лозы принялся не птах да цветы плести, не корзины да короба, а берёзы с русалками. И до того они любы пришлись народу, что на каждый торжок возит теперь умелец «мавочек да берёзоньки» – разбирают, как пряники горячие из печи.

Судили, рядили, их ли это умелец или другой какой. Да

кто его знает! Есть ли кому до него дело, когда у самих хлопот полон рот: дом, скот, шитьё да прядение, вечёрки да колядки...

А Верёнца, слыша это, всякий раз вспоминала, как возвращались они воробьиной ночью в деревню, как шёл Тихомир, будто морок кто на него накинул. Как утром, чуть не до свету, явился к ней, протянул куколку на ладони:

– Вот тебе обещанное.

Верёнца поглядела, и почудилось спросонья, что куколка живая, золотятся волосы облаком, сарафан трепещет, глаза горят. Такая была красота, что в руки взять страшно. И тянуло от куколки тревогой ночи: словно платой была за то, что отвела чужака к реке. Запоздалой платой: сделано уж было дело.

– Спасибо тебе, умелец, за оберег чудный, да уж больно хорош, дороже стоит, чем мавки ночные... – Сказала, а у самой сердце сжалось. – Продай на торжке.

Тихомир не стал спорить – спрятал куколку, сверкнули глаза, и поминай как звали.

Верёнца весь день промаялась, и не то русалки, не то воробьи в уши нашёптывали: зря, зря... от берегов, девица, не отказываются, обереги, девица, не напрасно дарятся...

А по деревне водили хороводы, девки смеялись, свирель Тихомира звенела: то и дело под окнами раздавались говор и песни.

А воробьи да мавки всё шептали в уши: зря, ох зря! От-

махивалась Верёнца, отговаривалась, пряталась за делами, а к вечеру не выдержала, побежала в избу, где умелец на постой встал.

– Здравствуй, Анисья! Не дома ли умелец, что у тебя гостует? Коли дома – позови, перемолвиться надо.

В другое время сказала бы такое и вспыхнула: ишь ты, к парню явилась, чужаку, словом зовёт перемолвиться! Но сейчас не до того было, беспокойно было на сердце, рябь шла, будто дул по реке ветер.

– А нет уж умельца, – развела руками Анисья. – Был да ушёл. Солнце ещё на закат не повернуло, а он уж собрал короба свои да попрощался. Гляди, какую диковинку за постой оставил...

Протянула Верёнце птичку из лозы – ровно живую: перья лёгкие, чуть не прозрачные, подуешь – трепещут, глаз глядит – будто в душу смотрит.

– Славный умелец, – вздохнула Анисья, – да, видать, умение его дурную цену взяло: шебутной он, странный. Перед тем как уйти, знаешь, что учудил?

– Что?..

Птица из лозы обожгла Верёнце ладонь, будто это уголёк из печи был, а не ивовый стебель.

– В реке искупался. – Анисья перекрестилась. – В Кле-чальную-то⁶! А после его никто и не видел. Пропал, поди, парень. Утащ-щат русалки...

⁶ Клечальная – одно из названий Зелёных святок.

«Пропал парень».

Слова отдавались в мыслях, пока тяжело возвращалась Верёнца в избу. Как бы и она заодно с ним не пропала – купаться-то не купалась, но у Саженьки вместе были... Но шло время, лечило скорби, укрывало тревоги – вот уж и забыла Верёнца думать о златоглазом Тихомире да живой куколке. Только изредка, в тёмную полночь, когда молния колола небеса над избой али густой снег заметал свет, – вздрагивала.

Но чем ближе весна была, чем ярче солнце светило, тем легче на душе становилось. Скоро уж новая Русальная неделя, новые воробьиные ночи – наберёт Верёнца лучшего мёду, лучшего хлеба, самых крупных яиц достанет, отдаст матушке-земле у реки. Берёзам вплетёт самые красивые ленты – прощенья попросит. Русалкам шепнёт, что не со зла, не подглядывать чужака привела, а по глупости, по незнанию своему, потому, что очень уж лунницу хотелось на защиту после того, как сестрёнку меньшую медведь задрал... Да и трепыхалась, жалила огоньком надежда: ну как её, сестричку, на другом берегу увидит?

...Но шли дни, разлилась уж весна вовсю вокруг Оковины – а в самой Оковине земля и не думала просыпаться. Похмыкивали сначала оковинцы, в затылках чесали, будили землю, как умели, а потом и крепко тревожиться начали: что за беда явилась?

Всюду уже берёзки шелестят, клёны наливаются силой, а в Оковине и травы не видать: сухая земля, листья с прошлой

осени да иголки. Как такую пахать, как сеять?

Лес шуршал старой листвой, а река молчала.

Смурные ходили оковинцы. Жаворонков из теста пекли, костры разводили, весну закликали на все голоса – всё тщетно, ни травинки не было на земле. Решили ехать в соседние Чутыри² за помощью и советом. Путь туда через торжок шёл – на котором, болтали, умелец фигурки свои показывает.

Верёнца упростила отца взять её с собой. Не на месте было сердце. Не с кем было поделиться, некому душу облегчить – такое ведь и куме сказать страшно: что накликала беду на родную землю...

А река молчала, хрустели листья, сухие, тяжёлые, и земля тяжко ворочалась, словно снился ей дурной сон и никак она не могла очнуться.

Торжок

Стоило отъехать от околицы – и началась весна: сырая, сладкая, птичья, черёмуховая... Голову кружило от запаха, теснило грудь от тоски и красы кругом.

Пока катились в телеге по зелёной земле, по весне и солнцу, всё думала Верёнца: сестрёнку не сберегла, а теперь и деревню губит...

Но как ни темно было на душе, а всё ж таки дух захватывало на торжке, глаза разбегались: тут тебе холст, там – пряжа, тут на рогоже орехи, рыба, бусы стеклянные, там –

сафьяновые сапоги блестят золотым шитьём... как глаза Тихомировы.

Опомнилась Верёнца, вспомнила, зачем приехала. Рыщет взглядом, ищет умельца. На батюшкин вопрос:

– Что тебе хочется, зёрнышко моё? – только и может, что ответить:

– Погуляла б я, батюшка, часок, поглядела б на диковинки здешние, мне и хватит...

После гибели сестрицы батюшка с неё, бывало, неделями глаз не спускал, но уступил, позволил – тем более оказались тут и мужики из Больших Чутырей, у которых, сказывают, тоже как-то весна не являлась...

Не шла Верёнца по торжку – летела: потроха, пряники, бублики, иголки... Миновала сундучные ряды, миновала мясные. Вот уже и сарафаны праздничные, и полотна пёстрые, и птицы живые в клетках... Вот свистульки да дудочки, вот потешки, мишки да орешки, – вот кружевной ряд, жемчужный, серебряный, стекляной...

Сердце вылетело из груди, птахой взмыло над пёстрым гононом, опустилось обратно, вернулось камнем.

Вот. Вот они, нельзя не узнать.

Их, оковинская, берёзка кривая у речки. Их, саженокские, мавки, что теньями мелькают. Прячутся меж лодочек-челночков, меж люлек и ларей, меж птиц и цветов, да от Верёнцы не спрячешься.

Бросилась к дощатой лавке, на которой разложены были

сокровища из лозы, сосчитала взглядом: много, много мавок и берёз много! Но на ней и бусы стеклянные, и серьги-двойчатки – батюшкин подарок, и ленты шёлковые... Лишь бы успеть только...

– А Тихомир где? – спросила хрипло. – Умелец? Что фигурки все эти сплёл? Перемолвиться с ним хочу.

– Много чести тебе с Тихомиром перемолвливаться, – бросил лавочник. – Я за него. Меня спрашивай.

– Не продавай мавочек да берёзоньки! – взмолилась Верёнца. – Сей же час вернусь, все куплю!

– Что мне тебя ждать, – протянул тот лениво. – И без тебя охотников полно.

– Не продавай! – жарко повторила Верёнца, кинулась уж назад, к коробейникам, да в последний миг заметила среди фигурок куколку – ту самую, что Тихомир для неё сплёл. Стояла, ровно живая, поглядывала косо и грустно, словно сказать хотела: предала ты меня, Верёнца, отдала, теперь мне ни тебя, ни землю твою не защитит...

– Не продавай!

Бросилась, заполошная, в ряд, где иголками да одёжками торговали, срывала с себя по дороге бусы, вынимала из волос костяной гребень. Всё сбыла коробейникам, что сумела, побежала обратно к лавочнику с лозой...

Снова птахой вылетело из груди сердце, сделало круг и вернулось: стоял за лавкою Тихомир. Ни на росинку не поменялся, всё тот же: застенчивый вроде, а глаза сверкают из-

под кудрей и пальцы из воздуха что из лозы выплывают что-то, что никто, кроме него, не видит.

Может, куколка только золотая и видит.

– Тихомир!

– Верёнца? Что такое? Пожар где?

– Весна у нас не пришла! Оттого, что на русалок ты в воробьиною ночь глядел!

Недолго объясняла. Темнел лицом Тихомир.

– Ты творец... умелец... Ты увидеть хотел, не думая о цене... А цена всё равно настигла... – шептала. – Обидели мы реку, обидели берёзы. Не плети больше ни берёз, ни русалок, жизнью своей заклинаю! А этих мне продай...

Шептала – а сама думала: что теперь её жизнь, когда вся Оковина из-за неё гибнет?

Берег

Лоза пахла свежей корой, ложилась во влажные ладони. Там шершавая, что берёзовый ствол, тут шёлковая, что волосы мавки.

Тихомир нёс к реке полный короб, Верёнца держала в одной руке раскидистую берёзку, в другой – скользкую мавку.

За их спинами гасли огни в избах, с тревожной надеждой укладывалась на ночь деревня: а ну как завтра придёт всё же весна, проклюнутся травы, вернётся всё на своё место?.. Сколько недель уж ложились с такой надеждой, и с каждым

днём таяла она, будто вдова безутешная, качалась щепочкой, лучиночкой на ветру...

Снова клонили берёзы ветки, да только сухие, стылые. Снова ветер пылил в глаза, только и пыль гнилью, старостью пахла. Тревожились воробьи.

Вот городьба из глаз скрылась. Вот поле скорбное, незасеянное прошли. Вот уже последние стволы, а за ними берег. Стволы иссохшие, ветви прозрачные – насквозь видать реку. И тумана нет – не явились нынче русалки, не было ни отрады их душам, ни кумленья – венки-то не с чего завивать...

Вышли на берег. Спустились к самой реке.

– Костёр пора разжигать, – прошептала Верёнца.

– Не станем жечь, – откликнулся Тихомир. – Я уменьем своим мир ваш потревожил... Не нужно ещё огня добавлять.

– Что тогда делать будем?

Тихомир поставил короб у старой берёзы. Верёнца опустилась рядом, погладила сначала корни, потом холодную землю. Лбом коснулась берёзовой коры, под которой не бежали соки, не было жизни.

Тихомир вынул из короба свёрток, развернул. Засветилась золотая лоза – крохотные лодочки-челночки.

– Ты пой... продолжай... А русалок в лодки эти посадим да отправим на тот берег, к сестрицам.

– Принесём берёзку в деревню, крутимся хороводом с песнями⁷... – срывающимся голосом пропела Верёнца. По-

⁷ Народная обрядовая песня, связанная с Зелёными святками.

садила мавку, что несла, в лодочку из лозы. Тихомир остальных русалок по челночкам рассадил. Опустили в воду. Лоза светилась, будто лучины в венках плыли.

– Берёзки воде оставим, – велел Тихомир.

– Хороводы кончили – берёзку в реку забросим, – послушно откликнулась Верёнца. Бросила свою берёзку в реку – та вспенилась волной, отразила Стожары. Следом Тихомир остальные берёзы лозовые опустил в воду.

Плеснула на них Саженка, намочила лица и рукава, гневясь, но утихла всё же: проглотила берёзы, закачалась, заневестилась белой пеной. А челочки русалочки плыли, золотясь, на тот берег к старшим сёстрам – где-то там и Верёница сестрénка была...

Теплело, и начинал завиваться от воды молочный туман. Тихомир глядел челнокам вслед, шептал что-то. Наконец обернулся.

– Одна осталась. – И протянул на ладони золотую куколку. – Вот тебе обещанное.

Верёнца сглотнула, втянула воздух. Ощутила вдруг, как земля пахнет: мхом и паром.

– Спасибо тебе, умелец, за оберег чудный. – Сказала, а у самой сердце сжалось. – Приму с благодарностью и носить буду, помня...

...о весне, которая не пришла. О сестрénке, которая на том берегу отрады ждала. О мире, который не тревожь без надобности, не плети по воздуху из лозы, осторожен будь,

если нити судьбы в пальцах...

Верёнца распутала ниточку, надела куколку на шею. Вынула из туюска яйца и мёд, вынула васильки, что сорвала у торжка. Выложила у корней берёзы.

Пока мешала землю с мёдом, тот тянулся липкими прядями, а земля всё крепче пахла корой. До тех пор заговаривала землю Верёнца, пока не уплыли в туман лодочки, пока не зашептались глубоко, глухо разбуженные корни.

Через день пришла в Оковину наконец-то весна. А через год, в Семик, и после того годы и годы пели девушки на кумленье:

– Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои,

Вы кумитесь, любитесь, любите меня.

Пойдёте вы во зелен сад – возьмите меня.

Сорвёте вы по цветику – сорвите и мне.

Совьёте вы по венчику – совейте и мне.

А будет парень с золотыми глазами

На реку звать на мавок смотреть —

Сами не ходите и мне не велите,

Землю храните, весну берегите.

Родион Вишняков

Роковой клад

Телега, поскрипывая колёсами, еле тащилась по дороге. Сидящий на передке Годимир, по прозвищу Жмых, вытер катящийся по лицу и шее пот. Лето в этом году выдалось жарким. На излучине Вежи, как говорили зашедшие в деревню калики, показался предостереженный камень. Обмельчавшая река спала, явив выдолбленную не пойми кем и когда надпись о грядущем конце мира.

– Долго ещё? – Годимир бросил взгляд на Богдана Припулу.

Немолодой и не шибко болтливый мужик, вызвавшийся проводником, мотнул взлохмаченной головой:

– С полверсты. А там уже в лес свернём.

– Успеем дотемна обернуться?

– Должны. – Припула пожал плечами.

Годимир вздохнул.

Собирались же выехать засветло! Но тут уж, как водится, пока снаряжали телегу, пока ждали прибытия дьячка Николы и Кудеяра, солнце уже показалось над лесом.

Места тут, прямо сказать, не слишком объезжие. Укатанный тракт, ведущий напрямиком на Смоленск, в пятидесяти

верстах отсюда. До небольшой деревеньки Словыневки, стоящей на отшибе, и дела никому нет. Кроме, разве что, князя. Да и то лишь когда приходит время оброк собирать или гнать мужиков в ополчение ради очередного похода.

Так и живёт Словыневка. Жители её ловят рыбу, зверя бьют да сеют хлеб на отвоёванных у леса полях. Вся надежда только на свои силы. Ну как в таком месте церковь не поставить? Да не просто сруб возвести, а всё честь по чести: покрыть маковку золотом, иконы в позолоченных рамах по стенам развесить. Алтарь какой-никакой тоже необходим. Да выписать из города попа, чтобы грамоту знал и книгу святую читать мог. А то вон у Николы одна молитва на все случаи жизни.

А что для всего этого нужно? Правильно, деньги.

Всматривающийся в мрачную чащу Притула наклонился к вознице и указал ему на какое-то приметное место. Архипка, юнец четырнадцати годков от роду, резко натянул поводья.

– Здесь спешимся. – Богдан повернулся к Жмыху.

Слезли с телеги, оставив её и кобылу под охраной Архипки – для храбрости снабдили отрока двумя самострелами. Выложили под ближайшее дерево щедрые подношения для лешего, дабы умиловить лесного хозяина, после чего друг за другом двинулись вглубь по тропе.

Впереди шёл Богдан. За ним – дьячок Никола и деревенский колдун Кудеяр. Далее сам Годимир. Замыкали шествие

наймиты Еловит и Катун, несущие лопаты, кирку и топоры.

В лесу было темно и прохладно. Гудели комары. От растущего вдоль извилистой тропки ельника тянуло звенящей настороженностью.

Жмых зябко передёрнул плечами. С опаской посмотрел сквозь тянущиеся к нему колючие лапы в глубину чащи.

И чего дома спокойно не сиделось?

А как тут усидишь? Пошлешь вместо себя служку – так ведь утаит, гад, большую часть. Скажет, что обманула старая карта, и спутникам своим рот золотой монетой закроет. Хотя все люди проверены – а как иначе, ежели почти со всеми знаешь большую часть своей жизни? Ну, кроме Катун. Этот появился в Словыневке полгода назад. Нанялся батраком к Годимиру, да так и остался в деревне. Не пил, работу свою делал хорошо. Жил один, не имел ни жены, ни детей. Оттого, видимо, и звался Катун: перекаати-поле, сорная трава...

Идущий впереди Богдан поднял в предостерегающем жесте руку. Жмых замер, стал всматриваться вперёд: чего там Притула заметил?

В прошлом году к Словыневке откуда-то из этих мест вышло двое. Просили приютить, с воем рыдали, что погибают. Только не пустили к домам чужаков. А те и впрямь вскоре очоурились. Схоронили их на краю леса, а после ещё три ночи дозор держали – боялись, как бы они не выбрались из-под присыпанной земли.

Кто были те двое несчастных и что с ними случилось, те-

перь и не разберёшь.

Жмых помянул чура. Затем помедлил немного и, торопливо перекрестившись, поплевал через левое плечо.

Сотню лет назад, когда киевский князь Владимир принёс на Русь новую, греческую веру, многое поменялось. Народ в основной массе своей чуя, с какой стороны дует ветер у нынешней власти, начал возводить во всех деревнях и городах церкви, соборы да храмы. Стал чтить новых святых, отгоняя нечистую силу не заговором, а крестом. Простому народу всё равно, кто защитит его от нечисти: меч княжьей дружины, православный крест или слово колдуна. Лишь бы результат был.

Нечисти тоже было всё равно. Лешие, русалки, упыри, волкодлаки, домовые и заложные мертвецы с приходом новой веры отказывались переводиться.

Наконец Богдан махнул рукой, приглашая следовать за ним. Видимо, ничего подозрительного не углядел.

Продолжили путь. Через какое-то время тропинка стала как будто бы шире. Почти смыкающиеся ветками деревья расступились в стороны.

Жмых довольно хмыкнул. Не врёт, стало быть, карта. Не зря позарился на неё и выменял на прошлой ярмарке у Медвежьей Горки, куда ездил торговать зерном. Окстинья все уши тогда прожужжала: дурное это дело, мол, ох дурное... Но ничего, теперь умоется – когда вернётся муж да отстроит на добытое церковь. Ещё прошлой зимой пришла к нему

эта мысль – когда в самые лютые морозы он тяжело заболел и едва не помер. Чудом выздоровел, не иначе как с Божьей помощью. Вот и подумал: надо бы за помощь эту как-нибудь богоугодно отплатить...

Знать бы ещё, сколько времени осталось у них до захода солнца. Успеть бы вернуться к телеге. А там уж какая ни есть, а дорога. Всё ж поспокойнее.

– Глядите!

Идущий первым Богдан указал в сторону. Годимир повернул голову и удивлённо крикнул.

Среди деревьев, у края тропы виднелась поросшая с одной стороны мхом, потрескавшаяся каменная фигура. Жмых, отерев пот со лба, подошёл ближе, присмотрелся.

Чужой. Понятно сразу: доспехи уж больно странные.

Лица видно не было. На том месте, где должно было находиться лицо, неизвестный ваятель оставил гладкое место. Забрало, что ли, такое чудное? Или просто времени не хватило работу завершить? Остальное-то вон с явным умением и тщательностью сработано.

«Кто же его сюда поставил? – размышлял Годимир. – Уж точно не наши. Разве что от прошлых времён остался, когда на земле этой ещё не правили вятичи».

Присмотревшись, Жмых заметил, что ноги изваяния с одной стороны словно вросли в подножие, угол которого покоится на чём-то напоминающем плиту, уходящую дальше под землю. О чём пытается сказать путникам этот древний мол-

чаливый страж?

Притула подошёл к Годимиру:

– Слыхал я от прабабки своей, что здесь раньше город стоял, да потом оказался заброшен, а почему – неведомо. Но точно известно, что это случилось задолго до тех времён, как на землях этих поселились наши далёкие пращуры.

После встречи с истуканом отмахали по заброшенной дороге ещё версты две. По всему выходило, что дорога эта вела прямо поверх уложенных когда-то каменных плит. Со временем лес захватил покинутую людьми землю. Разросся, укрыл под корнями память о былом. Только вот с дорогой до конца сладить не смог. Не иначе как без колдовства не обошлось. И хорошо, коли светлая волшба сдерживала натиск природы. А если чёрная? Явишься домой, а душа уже вышла из тела и бродит неприкаянная...

– Поторопиться бы. Солнце уже на покой идёт, – услышал Жмых голос Еловита. И только сейчас понял, что вокруг стало заметно светлее.

Годимир завертел головой. Лес стал расступаться. Слева виднелся уходящий далее обрыв и слышался мерный плеск бегущей рядом реки. Справа чаща тянулась дальше, ближе к горизонту, к колючей линии которого медленно приближалось солнце.

– Немного осталось. – Богдан на ходу всматривался в карту.

Ускорили шаг, однако прошли всего ничего. Притула

вновь остановился и указал на голый земляной холм, явно виднеющийся среди зелени леса.

– Свят-свят! Помилуй, Господи, спаси и сохрани! – Никола торопливо осенил себя крестным знамением. – Никак на могильник вышли?

– Похоже на то. – Кудеяр подошёл ближе к старой насыпи. – Дурное это место. – Колдун кивнул на ближайшие к захоронению деревья, стоящие сухими и голыми. – Потому вокруг всё и мертво. Уйти бы отсюда, да поскорее, пока хворь какая не прицепилась.

– Я тебе уйду! – накинулся на него Жмых. – Затем, что ли, пёрлись в такую даль, чтобы уйти? Я тебя не для этого брал. Сам же говорил, что обучен сквозь землю глядеть да металл всякий отыскивать. Вот и ищи. Найдёшь – и можешь вернуться взад. Держать более не стану. – Годимир повернулся к Богдану: – Веди давай. Сколько осталось?

Двинулись дальше. Идущий последним Катун обернулся через плечо, бросил взгляд на мёртвый холм. Увидел старую, вросшую в землю и покосившуюся плиту со стёртой надписью. Ускорил шаг, догоняя идущего впереди Еловита.

– Пришли, кажись, – через какое-то время бросил Притула.

Жмых посмотрел на остановившегося проводника. Повертел по сторонам головой. Место неприметное.

– Точно здесь?

– Если смотреть по карте, то да.

– Отдыхаем, мужики. Кудеяр, теперь твой черёд.

Колдун кивнул. Уселся на землю, достал из поясной сумки чародейские атрибуты – Годимир не стал всматриваться – и принялся над ними ворожить. Оказавшийся рядом Никола, неодобрительно покосившись, пробормотал короткую молитву и отошёл в сторону. Вскоре Кудеяр встал и, разведя руки в стороны, стал медленно обходить место. Остальные молча наблюдали за ним.

Вытерший потное лицо Жмых посмотрел на катящееся за лес солнце.

День на исходе, а колдун медлит. Может, зря он ему доверился? Не найдёт клад. А может, Окстинья права оказалась и врёт карта... Вот же дурак, в который раз бабу свою не послушал! Знал ведь, что она никогда дурного не посоветует. Бабы – они сердцем всегда чувят. Их так просто не проведёшь.

– Тут вроде бы.

Оклик Кудеяра вывел Годимира из задумчивости, буквально подбросил с места. Жмых торопливо подбежал к стоящему возле дерева колдуну:

– Точно здесь? Уверен?

– Ага. – Тот кивнул. – Копать только будем долго. Глубоко схоронено.

Жмых повернулся к остальным:

– За дело, мужики! Ежели найдём клад, не обделю. Вы меня знаете.

Дружно ударили лопатами. Подняли на штыки первые пласты вырванной вместе с травой земли.

Годимир отошёл в сторону, глядя, как Еловит и Катун вгрызаются в слежавшуюся смесь глины и песка.

– Богдан! – Еловит выпрямился, отёр пот со лба. – Поддай топор, тут корни идут, рубить надо.

Стало заметно прохладнее. В воздухе начала скапливаться влага.

Жмых бросил взгляд на закатное солнце, вновь посмотрел на роющих яму мужиков.

Глубоко идут. А вдруг ошибся колдун? Место-то странное, посреди этой проклятой дороги стоит. Почему именно здесь? Что было тут, когда эти древние плиты ещё не занесли землёй? Порубежная застава того самого древнего града, принявшая свой последний бой? Отразила нападение неведомого врага, а после выжившие схоронили павших. Укрыли богатство, чтобы не тащить с собой, в надежде вернуться за ним, да и отступили вглубь своей земли.

Посему и выходит, что место, ранее бывшее заметным, оказалось сковано лесом. И пропало бы насовсем, если бы не колдовство этих самых дорожных плит. Не пустило оно деревья, лишь самым краем дав им упрятать под собой схороненные богатства.

Стало заметно темнее.

Жмых зябко поёжился, снова бросил взгляд на красный ободок солнышка. В сумерках пробуждается всякая нечисть.

Сразу вспомнился рассказ словыневского парня Богумила о том, как он, ближе к ночи возвращаясь с охоты, увидел на опушке пропавшую дочку старого Остромысла. И лишь потом до него дошло, что, ежели девка нагая по лесу бродит, не к добру это...

После того случая искали русалку всем поселением, да без толку. Богумил же с той ночи сам не свой стал. Людей чураться начал, перестал есть, а после и разговаривать. Мычал что-то на полную луну. А однажды ночью убежал из дому в лес и сгинул...

Ох, не к добру вспомнилась эта история!

Годимир посмотрел на работающих в яме мужиков:

– Ну что там?

– А пёс его знает, – ответил Жмыху выпрямивший спину Еловит. Устало сплюнул вязкую слюну. – Роем пока. Огня б какого, а то не видать ни зги.

Годимир обернулся, поискал глазами колдуна. Хотел узнать, не промахнулся ли тот с местом... и не нашёл. Завертел головой по сторонам. Нет нигде!

Вот же сучий потрох! Бросил всё-таки!

– Есть! – Из ямы донёсся радостный хрип Еловита. – Нашли чего-то!

Жмых подскочил к краю. Мокрый Катун при его приближении ткнул штыком лопаты в землю. Раздался стук.

– Копайте, родненькие! Копайте! Не обижу! Богом клянусь!

Годимир, возбуждённый, торопливо отошёл назад, чтобы не мешать, и снова посмотрел на колючую линию горизонта. На край ярко-алого солнца, на последние огненные всполохи заката.

Видать, успели...

Тонкий, полный ужаса крик разнёсся по лесу.

Жмых замер. Почувствовал, как холодеют от этого звука поджилки. Повернулся в сторону кричащего Еловита. Посмотрел в противоположную сторону – и обмер. Уставился налитыми ужасом глазами на далёкие зажёгшиеся огоньки, парящие над старой насыпью могильника. Увидел, как перед ними сквозь сгущающуюся черноту двигаются фигуры. Полусгнившие, искалеченные мертвецы, поднятые из могилы неведомой и страшной силой.

Годимир попятился. Неуклюже споткнулся и упал. Шлёпнулся со всего размаху на задницу, почувствовал, как подпрыгнуло всё внутри. Заметил краем глаза, что выбравшийся из ямы Еловит выставил вперёд лопату, а деревенский дьячок Никола трясущимися от страха руками держит перед собой сорванный с шеи нательный крест, выкрикивая тонким голосом слова заступной молитвы. Через мгновение, закричав от ужаса, швырнул крест в лицо ближайшему мертвецу. Не помогло. Крик стал громче, перерос в визг и внезапно смолк. Дьячок исчез под телами навалившихся на него мертвецов.

Жмых вскочил, рванул по дороге прочь. Страх начисто

вымыл боль и усталость, придал ему нечеловеческих сил.

Сзади слышался глухой топот ног. Посмотреть бы кто, да ежели обернёшься, тут тебе, пожалуй, и конец.

Годимир на полном ходу рванул в сторону, ободрал кожу на боку о грубый ствол дерева. Бросился, не разбирая дороги, через лес, подальше от погони.

Авось не найдут. Господи, спаси и сохрани!

Бежал, казалось, долго.

Наконец силы оставили его. Ноги в один миг сделались чужими, швырнули тело вниз.

Жмых успел выставить руки. Оперся на них. Свесив голову, хватал холодный ночной воздух, как лошадь, ртом. Старался затушить огонь, распирающий грудь изнутри.

Лошадь! Вот же дурак старый! Кой чёрт тебя понёс в эту сторону? Бежать надо было к телеге с Архипкой! Стоит ли он там, дожидается? Или колдун уже опередил всех: выскочил к юнцу и велел убираться подальше... Ах, Кудеяр, Кудеяр! Дай только добраться до тебя. С другой стороны, не мог он сразу в ту сторону бежать. Мертвецы ж как раз оттуда и явились.

Надо идти. Только дух перевести и постараться отыскать путь домой.

Жмых замер, перестал дышать. Где-то впереди послышалось тихое шуршание приближающихся шагов. Годимир выпрямился, стал вглядываться в лесную тьму.

Ну вот и смерть пришла. Подкралась, проклятая! Правду

говорят: как ни бегай...

Звук шагов приблизился. Жмых увидел, как мелькнула между деревьями тень. Торопливо зашарил вокруг себя: палку бы какую или камень...

Тень шагнула вперёд. Жмых зажмурился, слушая, как приближается мертвец из древнего могильника. Как тяжело дышит...

– Годимир? Ты, что ли?

Жмых открыл глаза. Присмотрелся:

– Катун, ты?!

– Я.

Годимир с облегчением выдохнул. Страх тут же стал отступать. Вдвоём надёжнее.

– А остальные где?

– Дьячок сгинул. Еловита настигли мёртвые. Своей смертью он дал нам возможность уйти. Отвлёк на себя погребённых. Что с другими – не ведаю.

– А ты как ушёл?

– За тобой следовал. Как увидел, что ты спасся, так и не отступал.

– Как думаешь, Архипка дожидается?

– Да кто ж его знает!

– Надо вертаться назад, к телеге. Куда идти-то? Туда, что ли?

– Нет. Там мёртвые. Будем забирать левее.

Двинулись в путь. Шли медленно. Ночная темнота забав-

лялась со своими гостями: то и дело подсовывала под ноги ухабы, рытвины и корни. Несколько раз чудом удалось избежать падения в неприметные ямы.

Жмых в очередной раз споткнулся. Помянул крепким словом матерей, нарожавших ныне неуспокоенных из могильника. Посмотрел на спину идущего впереди мужика. Видно, совсем уже глухими местами ведёт его к дороге Катун. Приличный крюк делают. Оно и к лучшему, безопаснее.

Катун вдруг остановился. Сослепу Жмых налетел на широкую спину.

– Чего замер?

– Не видно ни зги. Куда идти-то?

Годимир стал боязливо оглядываться. Тьма чаши действительно стала непроглядной. Сделай следующий шаг – и, куда ступишь, одному Богу известно. Ну не до утра же тут стоять! Вдруг мертвяки до первых петухов опять на след выйдут? Или ещё кто явится, похуже да пострашнее.

Внезапно в темноте отчётливо проявились очертания стоящих рядом деревьев. Жмых торопливо обернулся – и замер, поражённый увиденным.

Мимо них с Катунем двигался... призрак?

Светящаяся фигура женщины проплыла вперёд, остановилась. Повернулась к мужчинам, глянула на них.

Жмых краем глаза заметил, как изменился при её появлении Катун. Вот только не смог уловить приключившуюся с мужиком перемену. Показалось или у него лицо просия-

лю? Во всяком случае, призрака Катун не испугался. Стоял и спокойно смотрел.

– Кто это? – Жмых покосился на стоящую в нескольких аршинах от них светящуюся нежить.

– Не признал, стало быть?

– Нет. – Годимир продолжал всматриваться в лицо женщины. – Неужто...

И только теперь до него дошло. Берегиня! Защитница людей и всего крестьянского рода. Носит светлое платье, ликом добра, хоть и немного печальна. Заступница от всякой нечисти.

Ну точно она!

Призрак тем временем, развернувшись, медленно поплыл между деревьями. Остановился. Вновь повернулся к мужикам.

– Смотри! Никак дорогу нам указать хочет? – Жмых бросил быстрый взгляд на Катуну и поспешил следом за призраком, пока исходящее от него свечение позволяло хорошо видеть путь. – Хочет, чтобы мы за ней шли.

Он приблизился к берегине. Та, повернувшись к нему спиной, снова поплыла дальше, освещая собой окружающий мрак.

Вот уж повезло так повезло!

Катун, чуть отстав, шёл следом.

Выведет сейчас матушка-заступница. Не даст пропасть безвинной душе...

Жмых сделал следующий шаг, поздно поняв, что под ногами, кроме пустоты, ничего нет. Осознание падения пришло вместе с громким всплеском. Нос и рот захлестнула стоячая болотная вода. Годимир взмахнул руками и почувствовал, как от этого ноги просели глубже в болоте. Холодная жижа добралась до груди. Перебило дыхание.

Над головой, за таким теперь далёким краем твёрдой земли, показалась фигура Катуна. Видно его было отчётливо. Призрак вернулся и теперь стоял за плечом мужика.

– Помоги, Катун! – Жмых воздел руки. Понял, что с каждым новым движением трясина засасывает его ещё глубже, и заверещал от страха: – Помоги мне!

– А ты помог, – голос Катуна был спокойным и ровным, – когда она приходила к тебе за помощью? Ты ведь так и не узнал её. Забыл.

– Помоги же!

– Забыл, как в Словыневку пришла молодая женщина, бежавшая из родной деревни, которую сжёг враг? Как просилась к тебе на постой? Как ты согласился, приютил, а после силой её взял? В ту же ночь ушла она от тебя. Не выдержала стыда, вошла в лес и сунула голову в рогатину, что покрепче.

– Помоги мне! – Жмых чувствовал, как его всё сильнее тянет на дно. Как вонючая вода подбирается вверх, грозясь укрыть собой уже плечи.

– Долго же я тебя разыскивал... Нашёл, да всё подобраться не мог, чтобы с глазу на глаз остаться. Хотел пришибить,

когда работал на тебя, да только не дали бы мне совершить задуманное. Скрутили бы, а на суде кому больше поверят? Пришлomu или своему? Сегодня уж думал при всех зарубить топором, и плевать на всё, да только любимая сама захотела месть довершить. И клад искать ты отправился не просто так, а потому что страх тебя взял, когда минувшей зимой чуть не помер, когда впервые смерть постучалась к тебе. От того и решил церковь выстроить. Не у старых, так у нового Бога прощения вымолить.

– Прости... – Вода дошла до подбородка. Годимир задрал голову, уставился на сияющего белым огнём призрака. Сияние стало мутным: глаза подёрнулись ряской и тиной. Жмых задержал дыхание, чувствуя, как в груди разрастается огненный вихрь, избавиться от которого можно было, только сделав вдох...

Катун молча смотрел на пузыри воздуха, быстро появляющиеся на поверхности воды. Наконец исчезли и они. Всё исчезло. Почти как тогда, когда, вернувшись из военного похода, нашёл на месте своей деревни пепелище. Долго он разыскивал свою пропавшую любимую, пока однажды ночью та не явилась к нему и не поведала свою историю. И теперь, когда месть свершилась...

– Ванечка... Идём, мой хороший, я тебя до деревни выведу.

– Нечего мне в ней более делать. Тошно без тебя, Лануш-

ка. Одной жаждой мести я сердце питал, заставлял биться. А теперь смысла жить не вижу.

Сияющая женщина проплыла в сторону. Обернулась, посмотрела на него:

– И о другой не думал?

– Не нужен мне никто. Нет никого на всём белом свете милее и краше тебя.

– Тогда иди ко мне, родненький...

Тихий плеск болотной воды совсем скоро сменился звуками лопающихся пузырей. А затем вновь наступила тишина, которая навек укрыла в себе память о двух людях и навсегда соединила души, измученные болью разлуки.

Рина Солнцева

Сестрицы

– Да ты сбеги, и всё, они не узнают, – со смешком молвила Груня, но Ариша замотала головой, потупила взор. Знала, что кто-то из сельских донесёт матушке и отцу, что водила дочка их хороводы, песни распевала. А должна дома быть, как велено.

Но ведь в поле выйти с песней сейчас на благо – Семик пришёл. Бабы да девки выходят в поля, хороводят посолонь, трапезничают, доносятся голоса чистые до самого неба – добро призывают. Чтоб колосились хлеба, чтоб золотило солнце тугие, налитые жизнью зёрна. И раньше Марфа всегда брала с собой Аришу на хороводье, а после него и на вечерку. Наплясавшись, горло сорвав, лузгали семечки, сидя на чьей-то лавке, косточки перетирали сельским. У кого соседка без мужа понесла, у кого корова ни с того ни с сего пала (а то, знать, заслужил человек, абы у кого горести не случаются, видать, и сам чего плохого кому пожелал, а то и сделал). Ничто не укроется от пытливых очей да ушей, не скрыть тайны.

И горько оттого становилось Арише, как думала о сегодняшней вечерке. Одно дело, когда о чужих злые языки суда-

чат (сама Ариша сплетни распускать не любила, а вот послушать могла – чего только люд не намыслит, на какие только глупости не горазд!). Совсем другое – когда о родном человеке втихаря думки додумывают и небылицы перемалывают.

Вроде и хотелось ей надеть платье красивое, подпоясаться вышитым пояском, бусы в два ряда чтоб. Ленту смагардовую в косу вплести – и не покрасоваться перед кем-то, для себя бы. Выйти в поле с другими девицами, руки к солнцу вскинуть... Но ещё с утра крепко наказала мать: «Дома сиди. Не вздумай даже глазком поглядеть...» Сильно материно слово. Ариша покорно кивнула, промолчала. И вот пока на пороге не появилась Груня, так и не думала сбежать. Другая девка, коль что не по ней, так бы и сделала: подумаешь, потом отец за косу оттаскает, а мать бусы-ленты под замок спрячет. Коль замуж девку выдать захочет, так обратно всё и выдаст в срок. Но Арина так поступить не могла.

И закрубились мысли, завертелись склизкими ледяными змейками: пойдут девки ввечеру на лавке сидеть, начнут гутарить о товарках, соседках, сплетни вить, что кружево... А в Семик какие сплетни быть могут? Всё про страшное. Про водяных да домовиков, кто что слышал из деревень соседних, от родни близкой и дальней. То к соседке пастень ходил по ночам душить да всё молчал, коль и спрашивали – к добру аль худу... То видели над болотом, что за погостом, огни зеленоватые, блуждающие – души то ходят неупокоенные, к себе зовут путников...

О колдовстве тёмном, ведьмах да знахарках. Но хоть судачат дурное и жуткое, да сами же и бегают те девки кто погадать, кто парня пригожего приворожить, кто хворобу снять. О себе, конечно, болтать не станут: одно дело бегать к знахарке за травками, чирьи вывести, лихоманку исцелить. Другое – волосок с головы любимого ведьме тащить, след от сапога в грязи ножом вырезать. За это уже можно и самой ведьмой прослыть, а потом от такой славы не отмоешься. Начнут на всю семью косо поглядывать, обходить десятой дорогой. Оттого больше про чужих баяли, из других сёл и деревень. Вон, слышали, девка одна увидала, как колдун на шабаш летел, так и заблажила головой, совсем плохая стала. Видится он ей теперь в воде и зеркалах, морит её взором пламенным. Потому не пялся ввечеру и по ночам на небо, мало ли, какая нечисть там пролетать будет по делам своим дьявольским.

А ещё про заложных покойников. Оно-то вроде смерть всегда рядом ходит, мало какая семья дитя шебутное или болезное не схоронила – то лошадь лягнула, то продуло по стуже январской, то отравился кто съестным негодным. Только коли умер кто смертью насильственной, странной аль в пору ненастную – в ночь Купала, седмицу Русальную, – так уж точно упырём станет, покою потом родным не даст, пока не изведёт. Оттого девки ввечеру балакать будут, что слышали, как мужика бревном придавило на сплаве, так потом ходил он под окна родные, пока могилу не разрыли да кол не вбили в грудь...

Или ещё жуть какую.

Знала Ариша, что и про Марфу не смолчат.

Только промелькнуло то в голове, так вышла на крыльцо мать. Зыркнула на Груню, та мигом испарилась, только мелькнула пшеничная коса за забором. Груня у родителей старшая, уже после неё народились братцы – крикливые, заполошные. Что горошины, из стручка упавшие: так и скачут по всему селу, будто не трое их, а с десятков. Оттого и дела нет родителям её, где дочка да с кем, лишь бы за малыми приглядывала. А вот Ариша у матери с отцом одна. Осталась.

– Я всё слыхала, уж только позарься... – начала мать, но Ариша отвернулась, подхватила спуд.

– Не позарюсь. За водой схожу, как обещала. Ворочусь скоро, – выпалила, пряча взгляд.

Уж очень не хотелось выслушивать ей материны наставления. Вчера уже обсудили – сидит Арина весь день дома, в поле не пойдёт хоровод водить, на вечерку – тоже. Пусть что хотят болтают, скажет потом мать, что заболела дочка, слегла. Даже утром на погост не взяла мать Арину с собой, хоть и просилась та, умоляла.

– Коль услышу, что Грунька тебя с панталыку сбивает, так больше на порог не пущу. И до матери её дойду, чтоб знала, что дочка её к греху тебя склоняет. Её бы саму под замок, а то шатается невесть где.

Последние слова донеслись уже издалека: Ариша шла быстро. Улица была почти пуста: вдалеке резвились ребя-

тишки, играли в городки. Скоро, как начнутся празднества в поле, и они не упустят okazji полюбоваться на сестриц, что примутся плясать, воздевая руки к небу, играть да качаться на качелях. Детей не берут – это ведь не для потехи, это чтобы хлеб рос и вызревал. Придёт и их черёд призывать силу природную, чтить знания, что предки оставили нам в мудрости своей. А сейчас им только и остаётся, что втихаря сесть на краю поля аль в подлеске, подглядывать да в кулачок прыскать со смеху. Но только для виду прыскают – на деле же зависть берёт мальцов, что без них гуляют.

Рухнуло ведро в колодец, всхлипнула вода. Ариша вытащила его, ощущая дрожь в руках, – и с чего бы это, подумаешь. Вроде не тяжесть. Но запекло в глазах, перехватило дыхание. Поставила ведро на землю – напиться бы, пересохло в горле.

Наклонившись над спудом, Ариша протянула руки к прозрачной, едва видимой поверхности воды. И отшатнулась, еле сдержав крик.

На неё смотрела сестра.

Сначала ей почудилось, что то её лицо, искажённое водным движением, да как не узнать облик родной? Светлы косы, очи сини. Темноволоса Ариша, зелены у неё глаза – совсем не её это отражение. Губы обескровлены, личико узкое. Не Аришино румяное, налитое. Глядела сестра печально, а вдруг губы разомкнула, будто что сказать пожелала... И тут же пропала.

Сердце, что замерло на миг, припустило со скоростью зайца, несущегося от волка. Потемнело в глазах, разлилась во рту горечь. Осела Ариша рядом с ведром да всё смотрела пристально в тёмную деревянную тьму. Но ничего не увидела, кроме выскобленного донца. Пропала Марфа. Аль показалось то? Чего только на Семик не привидится.

Как только сердце перестало заходиться, опустила Арина руки в воду. Попила. Знала – даже если и сердится сестра на неё, что не пришла Ариша на погост сегодня, не поплакала у могилы, так сильного зла не держит. Да и правда, причудилось то. Ведь всё утро только о Марфе Ариша и думала. Оттого и увидела её облик в ведре. Кому рассказать – только блажной окрестят да на смех поднимут.

Поминают на Семик заложных покойников, оттого и пошли сегодня мать с отцом на погост. Да вот только не к Марфе. Не обрела покой Марфа на погосте, не уложили её в освящённую землю. Лежала там старшая сестрица Марфы и Ариши – Прасковья. Померла та маленькой, всего-то в шесть годочков. Ариша её и не помнила совсем.

Бежала Прасковья в летний жаркий день по полю, тащила молока кринку и хлеба краюху отцу. Мигом и упала замертво. Сельские потом долго языками мололи: небось, нечисть девчонку к себе прибрала. Не хворала ничем девка, весела всегда была да говорлива, за младшими сёстрами приглядывала с охотцей. А тут упала как подкошенная, видать, полуденница серпом своим жизнь её отрезала.

Хоть и окрестили Прасковью тоже заложной покойницей (неспроста ведь померла, да странно так), но батюшка отпел, сельских пожурил. Дескать, младенец то, чистая душа. Чего зло наговариваете? А что померла – так забрал к себе Бог, а не диавол. Негоже пошто зря нечистое поминать да видеть там, где его нет.

Но, придя по осени с матушкой на могилку Прасковьи, расплакалась вдруг Ариша, запричитала тихо. «Сестрица моя, покинула меня. На кого оставила? Марфуша...» Хоть и звучало то еле слышно, да востроухая мать тут же подзатыльник и отвесила дочери: «Не поминай на могиле младенца нечисть! Нет у Марфы могилы, нечего по ней плакать!»

А если б была у Марфы могила, так легче стало бы сестре её. Потому и подумалось ей, что можно хоть на могилке старшей своей сестры о средней поплакать. Нет в том вреда большого – любила ведь Прасковья Марфу, с чего бы ей на то обижаться? Да только мать осерчала, отцу рассказала. Долго ещё они злобно зыркали на дочь, ругали да молиться заставляли. Чтоб забыла о нечистом думать, чтоб Марфу боле не вспоминала.

Да только как её не вспоминать? Не было в жизни Ариши человека ближе и светлее. Кто она без Марфы? Как померла она, так и подруг у Ариши не оказалось, кроме Груни. Не с кем словом перемолвиться, по грибки сходить, повышивать зимними вечерами – Груня-то вечно с мальцами своими непоседливыми, редко когда забегает. Сперва как Мар-

фа пропала, так сельские сторонились их семейство: во-первых, уже вторая дочь преставилась. Где это видано, чтоб дети один за другим помирали, если только не хворь какая. Знать, заслужили то родители, их то грех. А во-вторых, и правда странно Марфа померла. Все говорили, что заложной покойницей стала, а то и вовсе русалкой. Примется на Русальной неделе приходить к дому родному, звать под окнами, чтоб вышла родня, пригрели пропащую. А нельзя выходить – погубит русалка, а если дети аль девки есть среди родни, так с собой в речные воды утащит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.